

Евразия, Россия и Латинская Америка после пандемии

Обзор выступлений на онлайн-семинаре

Региональный координационный центр экономических и социальных исследований (офис в Буэнос-Айресе) при поддержке Центра международных исследований Католического университета Аргентины и Центра ибероамериканских исследований Санкт-Петербургского Университета (Россия) организовал онлайн-семинар на тему «Евразия, Россия и Латинская Америка после пандемии». В ходе научной онлайн-встречи были проанализированы некоторые аспекты взаимодействия между Латинской Америкой и Евразией, которое представляется особенно значимым для более комплексного понимания политической и экономической динамики трансформирующейся мировой системы. В данной публикации представлены краткий обзор выступлений докладчиков и ответы на вопросы слушателей, поступившие во время трансляции.

Ключевые слова: Латинская Америка, Евразия, Россия, Китай, межрегиональное взаимодействие, ЕАЭС, интеграция, пандемия, цифровые рынки.

DOI: 10.31857/S0044748X0011336-8

Обзор поступил в редакцию 29.07.2020.

Онлайн-семинар открыл президент Регионального координационного центра экономических и социальных исследований (*Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, CRIES*), эксперт в области международных отношений Андрес Сербин. Докладчик начал выступление с характеристики текущего международного контекста, определяемого глобальной пандемией коронавируса, которая продемонстрировала, что мировое сообщество ожидает углубление и обострение ряда тенденций, проявивших себя ранее в процессе трансформации мировой глобальной системы. Ситуация, возникшая в связи с эпидемией *COVID-19*, серьезно повлияет не только на существующие концепции глобализации и глобального управления, но и на концепцию мультилатерализма, на международную систему, функционирующую последние 30 лет на основе принципов международного либерального порядка. Это обстоятельство требует от экспертного сообщества переосмысления принципов реструктуризации властных отношений на глобальном уровне, создания новых альянсов на международной арене, а также изучения особенностей возникших недавно сфер влияния, под которыми следует понимать растущее участие как новых, так и уже существующих игроков во всех процессах, происходящих на фоне глобализации, равно как и более активную роль в них регионов [1].

Поясняя значение отношений между Латинской Америкой и Евразией, А.Сербин определил три ключевых элемента. Во-первых, укрепление Евразии в

качестве важного полюса притяжения международной системы, безусловно, связано со смещением геоэкономической динамики из Атлантики в индо-тихоокеанский регион. Во-вторых, трансформация мира, по существу, из однополярного в нечто иное — биполярный, многополярный или же имеющий черты и того, и другого одновременно, — свидетельствует о переходном характере текущего этапа международных отношений. В-третьих, институциональная архитектура, система альянсов и балансов сил на евразийском пространстве способствовала превращению региона в значимый полюс международной системы. Это дало основание некоторым авторам полагать, что, возможно, XXI в. станет подлинным веком Евразии.

В 1996 г. министр иностранных дел России Е.М.Примаков указал, что для придания большей сбалансированности международной системе и уравнивания позиций Запада в этой системе фундаментальную роль играет создание стратегического треугольника между Россией, Китаем и Индией. Таким образом, уже тогда возникла прагматичная точка зрения, согласно которой Евразия вписывалась в конкретную внешнеполитическую стратегию в качестве решающего фактора развития международного порядка. Вследствие чего был запущен процесс институционального строительства, определивший институционально-правовой ландшафт региона. Вероятно, первой вехой на этом пути было подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией в 2001 г. Именно в тот год, практически одновременно с заключением договора, благодаря усилиям Китая и России была учреждена Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Целями ШОС стали стремление, при участии стран Центральной Азии, сдерживать присутствие США в регионе, не выступая открыто против Североатлантического альянса (НАТО), а также борьба с тремя опасными явлениями — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [2].

Следующей вехой стала попытка России придать новое измерение указанному выше направлению за счет соглашения о военном союзе. Так появилась Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членом которой Китай не стал. Этот проект оказался в несколько подвешенном состоянии, потому что в действительности главным ориентиром для ОДКБ был НАТО. Китай, в свою очередь, заинтересован в том, чтобы ШОС превратилась в договор о свободной торговле, чему сопротивляется Россия. Другими словами, с одной стороны, происходит сближение, а с другой — Китай и Россия используют различные подходы к построению институциональной архитектуры евразийского пространства.

Третья важная веха — официальное присоединение к ШОС в 2017 г. Индии и Пакистана и расширение организации за счет членов-наблюдателей и партнеров по диалогу, к числу которых относятся Иран, Турция, Монголия и т.д.

В свою очередь, говоря о причинах стратегического сближения Китая и России в Евразии, А.Сербин отметил, что интерес Москвы к Азии усилился из-за напряженности в отношениях РФ с Западом, особенно после кризиса 2014 г. и изменения статуса Крыма. Но «поворот на Восток» произошел раньше, и к этому моменту данный процесс уже развивался. Именно в контексте этого «поворота» в 2015 г. вступило в силу соглашение о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Россия ожидала, что к ЕАЭС присоединится Украина, но этого не произошло. С другой стороны, Китай смотрит на Запад, стремясь выйти на европейские рынки и рынки Центральной Азии, испытывая при этом стратегическое давление США и их союзников в Тихом океане, в частности, в Южно-Китайском море. В 2013 г., параллельно с созданием ЕАЭС, председатель КНР Си Цзиньпин анонсировал в Казахстане так называемый Новый шелковый путь, или Инициативу Пояса и Пути (ИПП), которая сначала стала основой стратегического усиления Китая на евразийском пространстве, а затем обрела более широкую перспективу, выйдя на глобальный уровень.

Два этих проекта, ЕАЭС и ИПП, превратились в важнейшие инструменты России и Китая по защите своих стратегических интересов в Евразии, обеспечивая максимально возможное отстранение неевразийских игроков, в частности США, от участия в региональных геополитических процессах. Хотя Россия не присоединилась к ИПП, ЕАЭС и Китай смогли согласовать свои позиции. В итоге в 2018 г. было подписано соглашение с целью сопряжения двух проектов и обеспечения эффективности механизма институционального взаимодействия. Согласно типично американской точке зрения, у Китая есть деньги, а у России — оружие, т.е. эти страны дополняют друг друга на фоне асимметрий другого порядка, существующих между государствами. Несмотря на то, что интересы обеих стран не всегда комплементарны, хотя и совпадают на международных площадках, Россия и Китай научились контролировать имеющиеся между ними различия ради построения своего рода «Антанты» на евразийском пространстве при участии остальных стран Центральной Азии [3].

Третьим значимым актором, который, так же, как Россия и Китай, обладает ядерным потенциалом, является Индия — могущественный игрок, с 1996 г. упоминаемый как элемент структуры евразийского пространства. Однако эта страна занимает в высшей степени неоднозначную позицию. Во-первых, она находится в состоянии открытого конфликта с Китаем, но в то же время экономическая зависимость между государствами растет. С другой стороны, Индия имеет давние союзнические связи с Россией, недавно получившие новый импульс. Являясь одновременно частью Индо-Тихоокеанской стратегии США, разработанной с целью сдерживания Китая, в которой участвуют также Австралия и Япония, Индия не слишком активна в процессе построения Большой Евразии, но вместе с тем сотрудничает в группе РИК (Россия, Индия и Китай) в рамках организации *BRICS* (*Brazil, Russia, India, China, South Africa*), являющейся важным координационным механизмом. Наряду с этим Индия поддерживает очень тесные связи с западным миром, является одной из самых густонаселенных демократий, а потому придерживается либеральных взглядов на международную систему.

Очертив контуры институциональной архитектуры и стратегических альянсов в Евразии, докладчик перешел к анализу отношений с латиноамериканским регионом, подчеркнув, что Россия и Китай не всегда координируют свои действия в Латинской Америке, как это происходит на международных площадках или непосредственно на пространстве Евразии. Подобное обстоятельство является следствием того, что два государства имеют различные приоритеты в Латинской Америке. В случае России интересы носят геостратегический характер, хотя еще недавно в фокусе Москвы была экономика, учитывая возможности России продвигать собственные инновации в сфере добычи, переработки и продажи нефти и газа. Китай, в свою очередь, начал осваивать регион более двух десятилетий назад на ниве дипломатии, а сейчас имеет весомое торговое и финансовое присутствие.

В данном контексте крайне важно учитывать наличие у игроков конкретных институциональных инструментов для межрегионального взаимодействия. В случае Китая — это ИПП, поскольку, как заявил Си Цзиньпин, Латинская Америка — естественное ее продолжение. Кроме того, Пекин подписывает двусторонние соглашения, укрепляя вертикаль инициативы. Начало этому процессу положило установление Панамой дипломатических отношений с КНР после разрыва с Тайванем в 2017 г. Что касается России, то следует обратить внимание на ЕАЭС, который постепенно обретает определенную значимость. Доказательство тому — Меморандум о взаимопонимании между Общим рынком стран Южного конуса (*Mercado Común del Cono Sur, MERCOSUR*) и ЕАЭС, положивший начало качественно иным отношениям в сфере экономики [4].

Совершенно очевидно, что деятельность указанных игроков в Латинской Америке, а вместе с ними и Индии, присутствие которой здесь пока носит рудимен-

тарный характер, никак не скоординирована. В свою очередь, и латиноамериканский регион не имеет консолидированной политики в отношении своих партнеров. После волны постлиберального регионализма в Латинской Америке, усилившего тесные связи с некоторыми внерегиональными акторами, ослабили важные опорные точки региональных интеграционных схем — Союза южноамериканских наций (*Unión de las Naciones Suramericanas, UNASUR*) и Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de nuestra América, ALBA*); Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC*) ограничило свой диалог с Россией и Индией, а форум Китай — CELAC до определенного момента функционировал, в первую очередь, благодаря усилиям, в особенности финансовым, со стороны Китая.

Подводя итоги, А.Сербин отметил, что между двумя регионами существуют три уровня взаимодействия, характеризующиеся тремя различными паттернами поведения. Первый — отношения Китая и России и частично Индии со странами Латинской Америки. Второй — стратегия глобального присутствия Китая, основанного на ИПП, к которой присоединяются отдельные государства, в том числе Латинской Америки, но не Россия и не Индия. На этом уровне большое значение приобретает стратегическое объединение стран вокруг китайского проекта. Третий — это межрегиональное сотрудничество ЕАЭС и Латинской Америки, которое находится в зачаточном состоянии и испытывает трудности не только из-за кризиса региональных латиноамериканских институтов, в частности, *MERCOSUR*, но и из-за кризиса в самом ЕАЭС, переживающем нелегкие времена.

Размышления относительно векторов и инструментария межрегионального сотрудничества продолжила **директор международного русскоязычного издания ЛАКРУС, д-р ист. наук СПбГУ Оксана Владимировна Катышева**. В своем докладе она сосредоточилась на возрастающем значении цифровых технологий. Приведя данные Международного валютного фонда (МВФ) [5], докладчица отметила снижение темпов роста мировой экономики, вызванное пандемией коронавируса, которая в перспективе не только сформирует новые модели потребления, но и увеличит спрос на качественные перемены в подходах к решению проблем экономического развития по всему миру. Особое значение в этом контексте уже начинает приобретать цифровая сфера, темпы развития которой сильно ускорились на фоне строгих ограничительных мер, принятых многими государствами в период пандемии.

В последние десятилетия на глобальном уровне отмечался активный спрос на инновации, превративший их в своего рода «новую нефть». Но одновременно это обострило проблему глобального технологического неравенства и оказало огромное влияние на мировую экономическую систему. Отчетливо прослеживается прямая зависимость между уровнем технологического развития государства и его экономическими показателями, в результате чего в руках у технологически более развитых стран оказываются действенные рычаги давления на международных партнеров.

Интенсивное освоение цифрового пространства, дополнительным стимулом которого служит широкое распространение карантинных мер, заставляет по-новому взглянуть на сферу информационных технологий (ИТ) и, в частности, на технологии машинного обучения и искусственного интеллекта (ИИ). Они неизбежно приобретут ключевое значение в достижении экономического, геополитического и военного превосходства в ближайшие десятилетия. Например, еще пять лет назад лишь немногие страны имели программные документы, определяющие место и роль ИИ в стратегии развития государства. В Латинской Америке первыми странами, которые на государственном уровне обратились к осмыслению возможностей ИИ, приняв национальную стратегию в этой сфере, стали Мексика (2018 г.) и Уругвай (2019 г.). Исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2019 г. выявило 50 государств (включая Европейский союз), которые уже реализуют или планируют реализацию национальных стратегий по развитию ИИ; в латиноамериканском

регионе в их число вошли также Аргентина, Чили и Колумбия [6]. В России первые шаги по развитию цифровой экономики были предприняты в середине 2000-х годов, а собственная стратегия появилась в 2018 г.

Одной из наиболее актуальных тем в последние годы являются технологии 5G, представляющие собой часть процесса, обусловленного борьбой за ресурсы, поскольку данные технологии позволяют быстро обрабатывать большой объем данных, увеличивают скорость обмена информацией. Это, в свою очередь, обеспечивает более оперативный и эффективный контроль данных, создание и использование возможностей для развития, в том числе экономического. В разгар пандемии многие аналитики указывали на то, что в тех регионах, где реализуются технологии 5G, число случаев заражения *COVID-19* больше. Некоторые усмотрели в этом повод для разработки конспирологических теорий. Однако это вполне закономерно: ведь в регионах с высоким уровнем технологического развития плотность населения существенно выше ввиду их высокой экономической привлекательности.

О.В.Катышева отметила, что к 2035 г. следует ожидать появления шести-семи единых цифровых рынков, которые будут сформированы не только по географическому принципу, но и на основе общей культурно-исторической и языковой традиции [7]. Сегодня таким пространством становится единый цифровой рынок Европы. Можно предположить появление единого цифрового рынка Британского содружества и США, поскольку британская стратегия развития ИИ имеет много общего с американской.

На пространстве Евразии хорошим примером является ЕАЭС, члены которого стремятся повысить интенсивность технологического и информационного обмена в рамках объединения. Стратегия развития ЕАЭС до 2025 г. предусматривает создание системы обмена данными для обеспечения экономического роста через цифровизацию промышленного взаимодействия, что особенно важно для восстановления экономики после пандемии. В то же время активное освоение государственным и частным секторами цифрового пространства в период пандемии спровоцировало существенный рост киберпреступности. На этом фоне Китай предложил развивать сотрудничество между ШОС и Содружеством независимых государств (СНГ) в области информационной безопасности. Другими словами, цифровая сфера превратилась для Китая еще в один стратегический элемент усиления своей региональной и глобальной позиции.

В Латинской Америке уже давно существует собственная цифровая повестка (eLAC). Бразилия, Мексика и Колумбия имеют самый высокий уровень развития ИТ в регионе и активно продвигают идею регионального цифрового рынка, что может стать драйвером экономического роста после пандемии. Существует и возможность создания единого ибероамериканского цифрового пространства. Например, в 2019 г. в адрес Европейского парламента и Европейского совета было направлено заявление, призывающее к сотрудничеству ЕС и ЛАКБ в цифровой сфере [8]. Евросоюз давно реализует ряд проектов по развитию цифрового сотрудничества с регионом: к примеру, по защите персональных данных, обеспечению свободного трансграничного обмена данными (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Мексика и Уругвай), стандартизации информационно-коммуникационных сервисов (Бразилия), а также в области кибербезопасности. Уже почти 20 лет работает такая организация, как Иberoамериканское объединение цифровых городов (*Encuentro Iberoamericano de Ciudades Digitales*), способствующая расширению технологических и коммуникационных возможностей городов для улучшения качества жизни населения и предоставляемых услуг.

Цифровой рынок Латинской Америки пока не сформирован окончательно, но уже можно говорить о том, что интерес к нему среди ключевых глобальных игроков довольно высок. Евросоюз, США и Китай активно инвестируют в развитие региональной цифровой инфраструктуры. Китайская компания *Huawei* — это

флагман китайского технологического и цифрового присутствия в Латинской Америке. Поэтому правительство США, заинтересованное в снижении конкурентного потенциала Китая, в мае 2020 г. аннулировало разрешение на закупку продукции *Huawei*, а также приняло меры по защите американских технологий, в первую очередь от их возможного попадания в руки военных России, Венесуэлы и Китая. Российские же ИТ-компании слабо представлены в Латинской Америке: их доля колеблется от 4 до 6%.

Завершая выступление, О.В.Катышева обратила внимание на то, что глобальная сеть Интернет является лучшим олицетворением процесса глобализации. Однако возможность подключиться к всемирной паутине определяется тремя ключевыми элементами — инфраструктурой, аппаратным и программным обеспечением, что, в свою очередь, требует наличия в той или иной стране значительного технологического и инновационного потенциала, а также немалых финансовых ресурсов. Поэтому именно цифровое сотрудничество может и должно стать важным аспектом межрегионального взаимодействия Евразии и Латинской Америки в ближайшем будущем. В противном случае технологический разрыв между государствами и макрорегионами может привести к возникновению цифровой однополярности.

Исполнительный секретарь Центра международных исследований Католического университета Аргентины (*Centro de Estudios Internacionales de la Universidad Católica de Argentina, CEI UCA*), эксперт в области международных отношений и политических наук Ариэль Гонсалес Леваджи в ходе своего выступления сосредоточился на отношениях Латинской Америки с Россией, которая, по мнению докладчика, играет фундаментальную роль в межрегиональных связях Латинской Америки и Евразии.

В первую очередь А. Гонсалес Леваджи охарактеризовал актуальную международную стратегию РФ. Россия обладает особой международной идентичностью, которая носит евразийский характер. Россия — военная держава первого порядка, поскольку, помимо обычных вооружений, там есть «ядерная триада». Обычные вооружения в большинстве своем были успешно модернизированы, обеспечив государство достаточным военным потенциалом для стратегического противостояния США. Россия — экономическая держава среднего уровня, так как в настоящее время страна занимает 11-е место в мире по номинальному ВВП и 6-е — по покупательской способности. Экономическая траектория России в последние 10-12 лет очень походила на аргентинскую. ВВП на душу населения, по крайней мере, номинальный, находится на том же уровне, что и в 2008 г., и его рост сомнителен. Таким образом, еще до начала пандемии коронавируса экономическое положение России было довольно сложным.

С точки зрения международной стратегии восприятие России в мире можно описать одной фразой, которую одни приписывают Меттерниху, другие — Черчиллю: «Россия никогда не бывает такой сильной, как кажется, но она никогда не бывает такой слабой, как хотелось бы». Эпоха В.В.Путина служит ярким свидетельством подобного противоречия между довольно уверенным усилением Москвы в международной политике и относительной слабостью государства из-за внутренних проблем. Россия продолжает оставаться великой военной державой с ограниченными экономическими ресурсами и вертикальной системой управления. Существует точка зрения, прежде всего, среди сотрудников исследовательских центров США, согласно которой Россия представляет собой экзистенциальную угрозу Западу. В этом, конечно, видна тенденция к преувеличению. С другой стороны, ряд аналитиков полагает, что у России существует комплекс структурных слабостей демографического и экономического характера, и что у нее нет столь сильных союзников, как у США в лице НАТО. Кроме того, американские аналитики считают надежду на смену режима в России на более демократичный весьма иллюзорной. Учитывая обозначенный парадокс, одной из целей международной стратегии Москвы в эпоху Путина было обеспечение баланса между наступательной и

оборонительными позициями. Но с аналитической точки зрения следует помнить о том, что эта стратегия отвечает расчету, который основан на своего рода консенсусе между угрозами, с которыми сталкивается Россия, и возможностями, имеющимися у нее для решения задач своей международной повестки.

Внешняя политика РФ носит, в основном, прагматичный характер и имеет три неизменных цели. Первая — сохранение статуса глобальной державы. Россия — не только большая региональная держава, она действует на территории, которую считает ближним зарубежьем или зоной своего влияния, но и имеет интересы по всему миру, включая Латинскую Америку. Вторая цель заключается в обеспечении первенства на постсоветском пространстве. При этом речь идет не о том, чтобы возродить Советский Союз, а о том, чтобы быть первым среди равных или играть лидирующую роль в отношениях со странами бывшего СССР, но также и с экстрарегиональными державами, которые оказывают влияние на постсоветское пространство. Третья цель носит исключительно стратегический характер и заключается в сдерживании экспансии НАТО, которая осуществляется, во-первых, за счет принятия в организацию стран, в прошлом участников Организации Варшавского договора (ОВД), и даже бывших союзных республик СССР (государства Балтии), а во-вторых, посредством расширения военной инфраструктуры альянса. Для достижения всех названных целей Россия использует широкий спектр инструментов — от инициатив культурного характера, например, по изучению русского языка в разных странах или по построению тесных связей с русскоговорящими сообществами за рубежом, до использования военной силы и инструментов принуждения на территориях, расположенных за пределами непосредственной зоны влияния.

Таковы в общих чертах основные элементы международной стратегии В.В.Путина, чья политическая значимость неизменна вот уже на протяжении 20 лет. Так было и в годы президентства, и в период «междоцарствия», когда он занимал пост премьер-министра. Но после украинского кризиса и того, что для России стало возвращением, а для Запада — аннексией Крымского полуострова, эта международная стратегия мутировала из довольно сбалансированной в то, что российский политолог Дмитрий Тренин называл «гибридной войной» [9]. Последняя характеризуется интенсивным использованием вооруженных сил и расширением поля деятельности России: включением в состав страны новых территорий, защитой союзников, как в случае с президентом Сирии Башаром Асадом (2000 — н/в), военным вмешательством — как прямым, так и косвенным, за счет отправки военных советников или одобрения деятельности частных военных компаний в различных странах, а также расширением сети влияния. Такой выбор инструментов в основном обусловлен напряженностью в отношениях не только с США, но и с Евросоюзом, основным проявлением которой стало введение санкций. Следует учесть, что санкционное давление продолжается уже шесть лет, что во многом и привело к «гибридной войне».

Прагматизм российской политики не исчез, не претерпел изменений, но со стратегической точки зрения произошла переориентация на Евразию, в основном на сближение с КНР. Именно тогда прозвучала идея о евразийском объединении, на которое ссылаются и другие авторы, в частности, профессор Высшей школы экономики Александр Владимирович Лукин [10] или ректор МГИМО МИД РФ Анатолий Васильевич Торкунов [11]. В настоящее время идет дискуссия о том, сможет ли это евразийское объединение превратиться в классический альянс военного характера. Ради достижения своих целей Россия скорректировала собственные действия, главным образом, чтобы использовать имеющиеся возможности в двух направлениях. Во-первых, внедриться в зоны, где традиционно действовали США, прежде всего на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также модернизировать вооружение за счет применения новейших технологий, примером чего может служить разработка гиперзвуковых ракет. Очевидно, что с точки зрения использования этих инструментов Сирия служит проверкой для нового

глобального подхода, вернувшего Россию на международную арену. Данный подход применялся особенно активно, по крайней мере, до 2018 г., когда начался этап переориентирования на внутренние реформы. Хотя международная повестка по-прежнему сохраняет свою значимость, пенсионная и конституционная реформы, проведенные в Росси, свидетельствуют об изменении приоритетов. Имеется ряд явных признаков того, что интенсивность «гибридной войны» отчасти снизилась из-за роста расходов в Сирии и возможности урегулировать проблему в рамках Астанинского процесса, создания Нормандской группы и нового импульса к разрешению ситуации на Украине, а также из-за растущего интереса России к нетрадиционным для нее играм.

Далее докладчик перешел к определению места Латинской Америки в международной стратегии России, подчеркнув, что регион не входит в число ее основных приоритетов, но является значимым для усиления международного влияния Москвы. Причина коренится в том, что регион входит в зону интересов США, и в этом смысле действия России, с одной стороны, формируют политику, которая является отражением действий Запада в зоне интересов РФ, а с другой, — служат предметом торга между Москвой и Вашингтоном по вопросам глобальной повестки. Латинская Америка имеет значение еще и потому, что воспринимается в качестве партнера по строительству многополярного мира. Данное обстоятельство сыграло большую роль для интенсивного сближения России со странами Латинской Америки в эпоху В.В.Путина до 2008 г. и после, когда он занял пост премьер-министра. А.Гонсалес Леваджи обозначил несколько обстоятельств, обуславливающих этот процесс: ряд государств региона занял самостоятельную позицию по отношению к США в связи со вторжением американских войск в Ирак; ситуация, сложившаяся вокруг *ALBA*; перспективы достижения ощутимых экономических и политических успехов левыми правительствами. После грузинского кризиса 2008 г. и украинского 2014 г. Россия стала проводить более активную политику в Латинской Америке, следуя принципу зеркальности и стремясь стать источником раздражения для США в их зоне влияния [12]. Но и активность России в регионе, и способность латиноамериканских стран диверсифицировать свои международные отношения в последние годы начали угасать. Тому есть ряд причин как политического характера, так и связанных с ухудшившейся экономической ситуацией и турбулентностью на международной арене из-за стратегического соперничества между США и Россией, в которое недавно включилась и КНР. В качестве примера ограничений региональной политики России автор доклада обозначил венесуэльский институциональный кризис, в рамках которого Москва оказывала и оказывает поддержку правительству Николаса Мадуро (2013 — н/в). Однако такое сильное сближение России и Венесуэлы сказалось на позитивном восприятии России в других государствах.

В заключении А.Гонсалес Леваджи остановился на последствиях пандемии для отношений Латинской Америки и России. Прежде всего, произойдет их «размагничивание», чему есть две причины. Во-первых, экономический кризис ограничит ресурсы, необходимые для решения задач международной повестки в неприоритетных регионах. Во-вторых, США будут проводить гораздо более агрессивную политику, стремясь вернуть утраченные позиции в зоне своего влияния. В то же время Россия продолжит проводить даже более устойчивую политику в отношении своих традиционных партнеров в регионе — Венесуэлы, Никарагуа и Кубы, продемонстрировавших высокую степень политической лояльности, в отличие от других стран, скажем Бразилии, в отношении которой имелась довольно обширная повестка, полностью свернутая после прихода к власти Жаира Болсонару.

После представления трех докладов с комментариями выступила **Президент Евразийского комитета Совета по международным отношениям Аргентины (*Consejo Argentino de Relaciones Internacionales, CARI*), Посол Лила Рольдан Вакес**. Она указала на дискуссионный характер понятия «Евразия» и согласилась

с оценкой российско-китайских отношений, которую дал Андрес Сербин. В настоящее время прагматичность внешней политики обоих государств способствует сближению интересов во имя общей цели, заключающейся в сдерживании влияния Запада, в особенности США, в регионах, которые обе страны считают зонами своих интересов.

Посол отметила, что в Латинской Америке мало известно о Евразии, нет целостных представлений о регионе ни в информационном пространстве, ни в научной среде; регион Центральной Азии практически не исследован. А реальное сближение до настоящего времени носило спорадический характер. Вслед за А.Сербиным Л.Рольдан Васкес признала знаковым событием подписание Меморандума о взаимопонимании между *MERCOSUR* и ЕАЭС в декабре 2018 г., но выразила сомнения относительно перспектив установления полноценных межрегиональных отношений в ближайшем будущем, поскольку после завершения пандемии нехватка экономических ресурсов, о которой уже говорилось, будет иметь решающее значение. В латиноамериканских странах приоритет будет отдан восстановлению экономики и социальных структур. Кроме того, следует ожидать, что после пандемии В.В.Путин сосредоточится на решении внутригосударственных проблем, которых немало. Оппозиция, к примеру, критикует его за то, что он выделил недостаточно финансовых ресурсов системе здравоохранения для борьбы с коронавирусом, расширил полномочия губернаторов, чтобы они самостоятельно принимали меры в условиях пандемии, но это наносит ущерб позициям федерального центра.

Сравнивая политику Китая и России в Латинской Америке, посол отметила, что цели России носят более выраженный геополитический характер, нежели цели Китая. Пекин проводит экономическую и торговую экспансию благодаря своему экономическому потенциалу. Россия же использует преимущественно контакты с пророссийскими правительствами, которые проявляют лояльность и могут поддерживать позицию Москвы в международных организациях. Но в целом речь идет, скорее, о стратегии «мягкой силы» и о таких весьма эффективных инструментах, как российский новостной канал *Russia Today* и агентство *Sputnik*.

Посол с интересом отнеслась к авторскому термину «размагничивание», который А.Гонсалес Леваджи использовал для описания динамики отношений между двумя регионами после окончания пандемии. Если Россия захочет сделать ставку на регион, который США считают зоной своего влияния, то, следуя стратегии зеркальной политики, Москва могла бы использовать ЕАЭС для «повторного» проникновения в регион, но, имея более сильные позиции, так как в этом случае Россия получила бы возможность использовать не только свои ресурсы, но и ресурсы других стран — партнеров по ЕАЭС, заинтересованных в развитии инвестиционных отношений с Латинской Америкой.

Комментируя выступление О.В.Катышевой, Л.Рольдан Васкес отметила исключительную актуальность темы развития цифровых технологий, учитывая виртуальный формат встречи и ситуацию со всемирной цифровизацией в целом. Повсеместное использование цифровых технологий фундаментальным образом изменило наши представления о мире, поэтому реализация многочисленных проектов в этой области представляется закономерным и востребованным направлением работы всех глобальных игроков. Особый интерес представляет предложенное О.В.Катышевой деление мировой карты на единые цифровые рынки, способные оформиться в цифровые региональные структуры. Воплощение данной идеи может способствовать развитию отношений Латинской Америки и Евразии: два цифровых рынка, расположенных на большом расстоянии друг от друга и не являющихся приоритетными в контексте внешней политики, важны в качестве инструментов в более масштабной или более значимой конфронтации между крупными мировыми державами. При этом подобное взаимодействие может стать основой взаимовыгодного сотрудничества. Подводя итоги семинара, посол Л.Рольдан Вас-

кес подчеркнула научно-исследовательский потенциал темы и выразила надежду на то, что проведенная дискуссия придаст импульс исследованиям, посвященным отношениям Латинской Америки с Евразией.

В заключительной части семинара выступившие ответили на некоторые вопросы аудитории, наблюдавшей за мероприятием в режиме онлайн-трансляции.

Отвечая на вопрос о том, может ли кризис повлиять на процессы, происходящие в региональной системе, Л.Рольдан Васкес скептически отозвалась о работе механизмов региональной интеграции в Латинской Америке. Появление большого числа форумов и интеграционных площадок привело к тому, что эти образования утратили возможность принимать решения. Идеологическая брешь, возникшая между правительствами региона, привела к возникновению множества механизмов, функционирующих в рамках конкретных политических или идеологических парадигм, в то время как подлинная интеграция должна способствовать сближению разрозненных позиций во имя сотрудничества и практического взаимодействия, поэтому необходимо радикально сократить число форумов. Наиболее перспективной площадкой, по мнению посла, является *MERCOSUR*, в том числе и потому, что в нем удалось объединить экономические, социальные и политические интересы, а это могло бы послужить основой для интеграции по типу Европейского союза, в которой учитывались бы интересы не только государств, но и граждан. Решением может стать как раз возможность согласовывать позиции, даже если правительства придерживаются разных идеологических взглядов, и достигать консенсуса во благо преемственной государственной политики.

На вопрос о том, использует ли Россия цифровую сферу для укрепления своих отношений с Латинской Америкой и евразийским регионом, О.В.Катышева ответила, что пока эти процессы находятся лишь на начальном этапе, но Москва предпринимает определенные шаги по созданию единого цифрового пространства Евразии, прежде всего по линии ЕАЭС. Кроме того, несколько лет назад по линии ЕАЭС — *MERCOSUR* была предпринята — к сожалению, безуспешная — попытка создать цифровую систему обмена товарами и услугами.

При характеристике потенциального союза между Россией и Китаем в процессе технологического развития О.В.Катышева указала на отсутствие у сторон единого подхода. Китай формирует собственный цифровой рынок. По некоторым оценкам, до 30% ВВП Китая приходится на цифровую экономику. Россия по этому показателю существенно отстает. Сегодня действуют успешные российско-китайские совместные предприятия, но Россия не хочет внедрять в полном объеме китайскую систему цифровых услуг или делать масштабные закупки продукции *Huawei*. Кроме того, в Латинской Америке интересы двух государств часто сталкиваются, например, энергетическая компания «Интер РАО» часто уступает китайским конкурентам, давно занявшим в регионе устойчивые позиции. Но если говорить в принципе о концепции цифрового государства, то следует отметить, что одним из важнейших элементов создания цифрового рынка является энергия, т.е. тот, кто имеет дешевую энергию, будет более успешен в цифровой сфере.

Формулируя ключевые экономические и политические вызовы, которые возникнут в отношениях Латинской Америки и Евразии после завершения пандемии коронавируса, А.Сербин выделил несколько наиболее значимых, по его мнению, параметров. Во-первых, два региона отнюдь не гомогенны, при этом Евразия находится в процессе построения, а Латинская Америка — в процессе распада. Во-вторых, если будет достигнут определенный уровень бирегионального взаимодействия, неизвестно, можно ли будет вписать эти отношения в глобальный контекст, где стоит ожидать усиления соперничества между США и Китаем. Кроме того, непонятно, что все это будет означать для каждого из регионов. Что касается Евразии, то результатом станет углубление стратегического сближения между Китаем и Россией при участии других евразийских стран. Что касается Латинской Амери-

ки, то для нее большим вызовом является формирование консолидированной позиции — ее нет, потому что регион отличают не только большая фрагментация, но и серьезное внутреннее неравенство. Если Евразия в межрегиональном диалоге может использовать существующие инструменты (ЕАЭС, ИПП), то Латинская Америка эти инструменты утрачивает.

Отвечая на вопрос, возможно ли вести межрегиональный диалог через какой-либо из латиноамериканских форумов, А.Сербин высказал предположение, что через субрегиональные — *MERCOSUR* или ЕАЭС — возможно, а опыт *CELAC* внушает большой скептицизм.

А.Гонсалес Леваджи, комментируя отношения между Россией и режимом Н.Мадуро, пояснил, что Россия довольно точно просчитала свою вовлеченность в кризис и поддерживает не столько правительство Н.Мадуро, сколько свои собственные интересы. Венесуэла действительно интересна России с точки зрения разведки и добычи углеводородов, а также поставок вооружений. Но это обстоятельство не способствует институциональной стабилизации или возврату к демократическим институтам. В любом случае устремления России, как она продемонстрировала, скажем, в Сирии и Ливии, обусловлены желанием выполнять посреднические функции.

Рассуждая о перспективах бирегionalных форумов между Евразией и Латинской Америкой, эксперт подчеркнул, что этап больших площадок и многосторонних встреч завершился. Зарождается новая тенденция, когда встречи станут носить более локальный характер, позволяя говорить о мини-мультилатерализме. Если площадки для межрегионального диалога будут иметь более конкретные цели, то появятся платформы для сотрудничества между *MERCOSUR* и ЕАЭС, а также станет возможно участие Латинской Америки в ИПП. В то же время будущее форума Китай — *CELAC* во многом зависит от Пекина: если Китай сохранит свое влияние, то сможет укрепить позиции этой площадки, если нет, то ее судьба будет сложной. Тем более что в настоящее время на континенте наблюдается крайне противоречивое отношение к Китаю.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Serbin A. La configuración de la Gran Eurasia y su impacto en la gobernanza global. *Anuario de CEIPAZ 2017–2018*, pp. 121-139.
2. Serbin A. América Latina y el desafío euroasiático. *Perfil*. 23.12.2018. Available at: https://www.perfil.com/noticias/columnistas/america-latina-y-el-desafio-euroasia-tico.phtml?fbclid=IwAR1dNzr9wkRFM8hYm2fiymsAEOTB6mD1RHS9rZNLGy4Sb3-0VVPOOkz_dRYU (accessed 30.06.2020).
3. Serbin A. Eurasia y América Latina en un mundo multipolar. Icaria Editorial – CRIES, 2020, 200 p.
4. Serbin A. Mercosur: Diversifying Partnerships. *Aula Blog*. 7.01.2019. Available at: <https://aulablog.net/2019/01/07/mercosur-diversifying-partnerships/> (accessed 30.06.2020).
5. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. IMF, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed 30.06.2020).
6. Hello, World: Artificial Intelligence and its Use in the Public Sector. OECD, 2019, 188 p.
7. Коган А. Александр Шульгин: «работа станет привилегией». [Kogan A. Aleksandr Shul'gin: «rabota stanet privilegiei». [Alexander Shulgin: “work will become a privilege”]. *Futurist*. 30.04.2019. Available at: <https://futurist.ru/articles/545-aleksandr-shulygin-rabota-stanet-> (accessed 30.06.2020) (In Russ.).
8. Comunicación conjunta al Parlamento Europeo y al Consejo. La Unión Europea, América Latina y el Caribe: aunar fuerzas para un futuro común. Bruselas, 03.05.2019. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/8d0f72c6-6da2-11e9-9f05-01aa75ed71a1/language-es> (accessed 30.06.2020).
9. Тренин Д.В. От гибридной войны к взаимному отстранению. Как изменятся отношения России и США за 20 лет. [Trenin D. Ot gibridnoi voyny k vzaimnomu ostraneniyu. Kak

Оксана Катышева

izmenyatsya otnosheniya Rossii i SShA za 20 let [From hybrid warfare to mutual estrangement. How will relations between Russia and the United States change over 20 years]. *RIAC*, 8.11.2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ot-gibridnoy-voyny-k-vzaimnomu-otstraneniyu-kak-izmenyatsya-otnosheniya-rossii-i-ssha-za-20-let/> (accessed 30.06.2020) (In Russ.).

10. Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция. *Международная жизнь*, 2014, № 7. [Lukin A. Ideya «ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i evraziiskaya integratsiya [The idea of the "Silk Road economic belt" and Eurasian integration. *International life*]. *International Affairs*, 2014, N 7. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1101> (accessed 30.06.2020) (In Russ.).

11. Торкунов А.В. К вопросу о новой восточной политики России. *Вестник МГИМО–Университета*, 2014, № 1, сс. 9-13. [Torkunov A. K voprosu o novoi vostochnoi politiki Rossii [On the issue of the new eastern policy of Russia]. *Vestnik MGIMO*, 2014, N 1, pp. 9-13 (In Russ.).

12. González Levaggi A. Towards the peripheries of the Western World: Eurasian regional policies in Latin America. *Anuario de Integración*, 2016, N 13, pp. 60-88.

Материалы к публикации подготовила

О.В.КАТЫШЕВА,

д-р ист. наук, СПбГУ, директор ЛАКРУС,

(3153364@bk.ru,

РФ, 197101 Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 41)

Eurasia, Russia and Latin America after the pandemic. Overview of presentations at the CRIES online seminar

Abstract. The Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales (CRIES) with an office in Buenos Aires (Argentina) with the support of the Center for International Studies of the Catholic University of Argentina (CEI UCA) and the Center for Ibero-American Studies of St. Petersburg University (Russia) organized an online seminar “Eurasia, Russia and Latin America after the pandemic”, devoted to the analysis of some aspects of the interregional interaction between Latin America and Eurasia which seems especially significant for a more comprehensive understanding of the political and economic dynamics of the transforming world system. This publication includes the contents of the speakers’ speeches and answers for questions received during the online broadcasting.

Key words: Latin America, Eurasia, Russia, China, interregional cooperation, the EAEU, integration, pandemic, digital technologies, digital markets.

Prepared by OXANA KATYSHEVA,

Dr. Sci. (History), St. Petersburg University, Director LACRUS

(3153364@bk.ru,

B. Pushkarskaya Str., 41, 197101 St. Petersburg, Russian Federation)

DOI: 10.31857/S0044748X0011336-8

Received 29.07.2020.